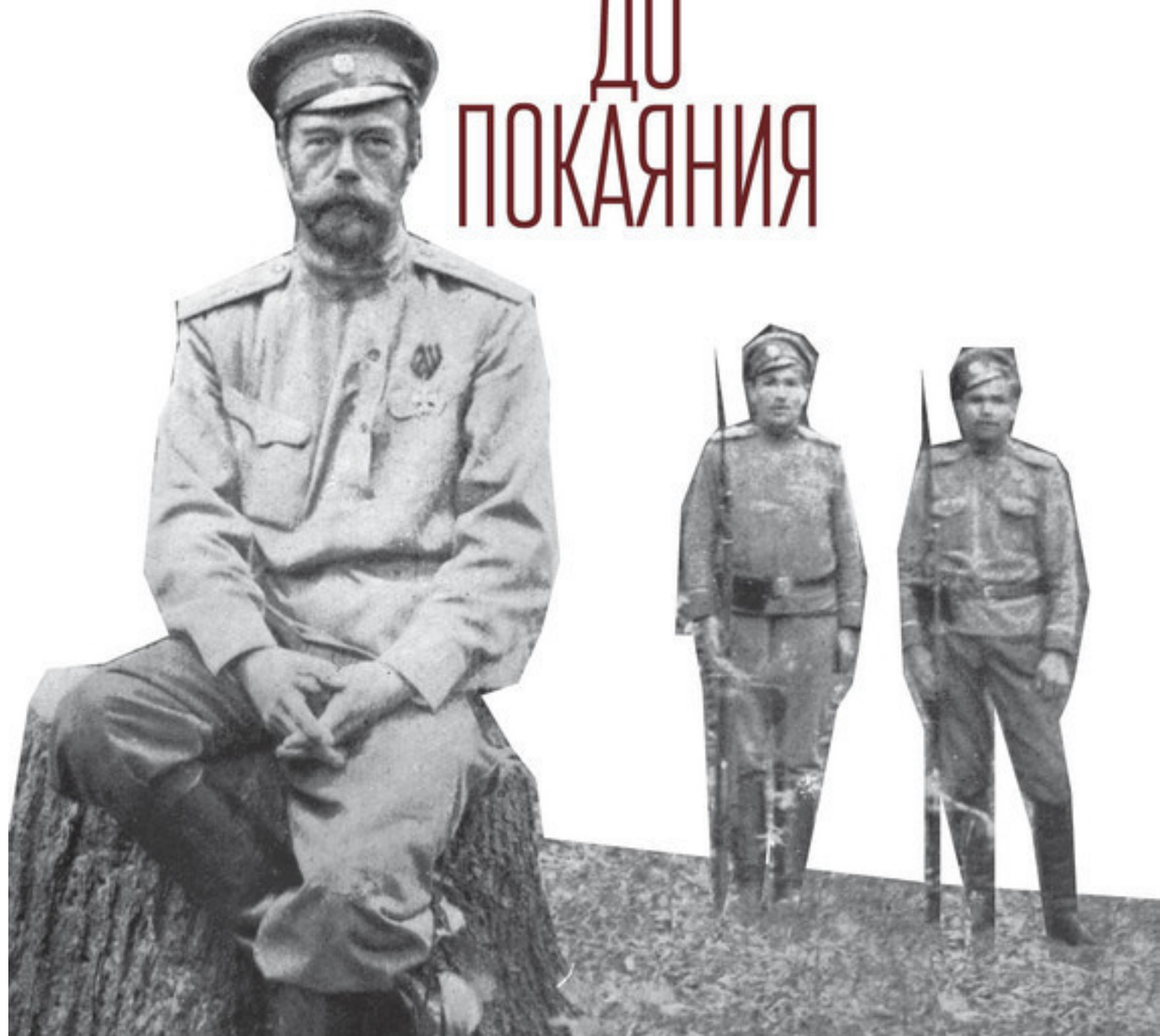

Ш А М И Л Ь К У Р Я Е В

—1917—

КАРА
ДО
ПОКАЯНИЯ

Шамиль Куряев
1917. Кара до покаяния

«Алетейя»

2017

УДК 94(48).081
ББК 63.3(2)52

Куряев Ш. З.

1917. Кара до покаяния / Ш. З. Куряев — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-47-9

Главной причиной гибели Российской Империи в 1917 году было катастрофическое падение престижа высшей власти. Слухи о «темных силах», обступивших трон, сплетни о царской семье, известия об измене при Дворе и тайной подготовке сепаратного мира стали спусковым механизмом Февральской революции. Но не все аспекты политической интриги, в центре которой оказалась трагическая фигура императора Николая, получили надлежащую историческую оценку. Антимонархические установки советской эпохи сделали невозможным их объективное изучение, и репутация последнего русского царя более ста лет оставалась «разменной монетой» в идеологических баталиях. Новая книга Шамиля Куряева отвечает на ключевые вопросы «марта 17-го». Была ли у «антиромановских» слухов реальная подоплека? Какие политические силы явились в той ситуации подлинными «тёмными силами»? Кто, в условиях Мировой войны, в действительности изменил и Отечеству, и союзникам? Нельзя мириться с живучестью старых мифов, мешающих восстановлению исторической справедливости и выявлению реальных агентов Русской Смуты.

УДК 94(48).081

ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-906910-47-9

© Куряев Ш. З., 2017

© Алтейя, 2017

Содержание

Введение	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Шамиль Куряев

1917: кара до покаяния

Клевета со стороны некоторых господ – такая же хорошая рекомендация, как похвала со стороны других.
Генри Филдинг

Введение

Власть должна быть персонифицирована, ибо нет и не может быть такой формы правления, при которой власть представала бы в образе безликого «общественного института». И ещё большой вопрос, где личность правителя находится под прицелом более пристального внимания, – в государстве монархическом, где власть последовательно передаётся очередному и заранее известному представителю династии, или в демократическом, где властью облачается публичный политик, в определённый момент снискавший наибольшие симпатии граждан. Нечего и говорить об откровенно диктаторских режимах, где личности Вождя «по должности полагается» занимать центральное место в сердцах и умах.

Хотя демократия, как известно, «сильна своими институтами», а любое – положительное или отрицательное – влияние персоналий при ней нивелируется, именно демократические режимы ждут от своих руководителей большего, нежели подданные от своего монарха, – больших государственных способностей, больших знаний, большей политической прозрачности. В отличие от наследственного монарха, лидер, «поднявшийся из низов», должен заведомо быть человеком выдающимся! Конечно, на практике это случается далеко не всегда – но всегда предполагается. А обнаружившееся отсутствие этих талантов влечёт неизбежное «падение рейтинга».

Поэтому нельзя сказать, что стрелы критики – её же никакая власть не избегнет! – больше язвят правителей «милостью Божьей», нежели правителей «волею народа». Напротив, монарх традиционно занимал в общественном сознании несколько привилегированное положение: его, как правило, «обманывают», от него скрывают правду, его отдалают от народа, «окружают недостойные» и т. п. Словом, можно констатировать, что монарх всегда был в значительной степени выведен из-под огня неизбежной критики правительственного курса.

Зато частная жизнь монарха и его личные качества – подлинная ахиллесова пята монархического государства. Именно с этой стороны монарх остаётся вполне доступным для критики, против которой у него уже нет «иммунитета». Традиционная закрытость царского двора – и даже законы «об оскорблении величества» – здесь не панацея! Ибо, «дозируя» объём подлинной информации, они в то же время способствуют возникновению слухов и сплетен, стремлению превратить всякую муху в слона. И в последнем случае общественное мнение будет к монарху даже более строго, чем к кому бы то ни было!

Дело тут не только в мистическом ореоле царской власти, в религиозном отношении к царю как к «помазаннику». Сам монархический принцип передачи власти делает личную жизнь монарха, его семьи и «ближнего круга», любые семейные тайны и проблемы, – вопросами государственного значения. И – потенциальным источником кризисов, смут и нестроений. Невозможно переоценить значение падения авторитета монарха, не монархии «как политического института», а именно – личного авторитета царя в деле крушения Российской Империи.

Именно с этой стороны Империи был нанесён роковой удар! Вернее даже – целая серия последовательных ударов... Первые были нанесены ещё «прижизненно», с очевидной полити-

ческой целью. Последующие – уже «постфактум», в целях посмертной дискредитации монархии и ради собственного оправдания перед судом истории. Бесполезно спорить о реалиях дореволюционной России – и об их последующем отражении отечественной историографией, – не разобравшись предварительно с этой мусорной кучей, нанесённой к подножию российского трона.

Наглядный пример уязвимости частной жизни царской семьи – одна из многочисленных сатирических карикатур

Часть I

Чужая кровь

*Смерть да жена – Богом суждена.
Русская пословица*

Глава 1

§ 1.1. Говоря о причинах, способствовавших крушению монархии в России, нельзя не отметить такой существенный фактор как оторванность правящей династии от народа. И речь идёт не о каком-то «духовном», «идейном» отрыве и прочих малопонятных вещах. Напротив, речь идёт о самой что ни на есть «земной», простой и понятной вещи, а именно – о постепенно нараставшем «кровном» отдалении российских императоров от своих русских подданных.

Здесь надо оговориться, что и в прежние эпохи, в Киевской Руси и Великом княжестве Московском, среди правителей лестным считалось получить в жёны какую-нибудь иноземную принцессу – будь то дочь английского короля, сестра золотоордынского хана или племянница византийского императора. Однако это были разовые случаи, долженствующие польстить княжескому тщеславию и подчеркнуть в глазах последующих историков «высокий международный престиж русских владык». Устойчивой практикой это не стало. Московские великие князья (впоследствии – цари) спокойно женились на своих русских подданных.

Если женитьба и связывала их с семейным кланом жены – извечный бич всех монархий! – то и кланы это были, по крайней мере, свои, русские. Вот вам и вожделенное единение царя с народом! – «подлинней» не бывает.

Можно допустить, что московским правителям просто не удавалось жениться на иноземных принцессах. Но безусловным фактом является то, что все восемь цариц династии Романовых были выбраны царями или для царей среди их собственных подданных. И в жилах русских царей текла русская, а не немецкая и не датская, кровь. И по-русски русские цари говорили без акцента...

Другим – не менее важным – моментом было то, что выбиралась русская царица из очень широкого круга «потенциальных претенденток», представлявших собой воистину всю русскую землю. И в правящую династию постоянно вливалась свежая кровь. Ибо «номенклатура» претенденток не была ограничена узкими рамками родовой аристократии. И это не было формальностью – русские цари охотно пользовались практически неограниченной «широтой» своего выбора.

Разумеется, речь не шла о том, чтобы правителю всея Руси жениться на крепостной крестьянке. На высокую честь стать царской женой могли рассчитывать лишь представительницы привилегированных сословий. Но это значило не так много, как кажется! Отец будущей царицы мог быть мелким служилым дворянином. Ведь если изучить биографии всех восьми русских цариц династии Романовых, то, к удивлению, обнаружится, что лишь одна из них (Мария Долгорукова, первая жена Михаила Фёдоровича) была дочерью князя. Остальные семь были довольно скромного (порой – очень скромного) происхождения и достатка.

Примечательно, что ещё со времён Ивана Третьего на Руси действовал такой специфический и «демократичный» механизм избрания царской супруги как смотр невест – когда красивых девиц собирали в буквальном смысле со всей России и (после нескольких «отборочных туров») представляли царю. Судя по всему, именно этот способ считался на Руси предпочти-

тельным. Ибо даже в тех случаях, когда у царя или его окружения уже была на примете определённая девушка – всё равно, хотя бы «для проформы» проводился смотр невест.

Примером такого вынужденного подчинения обычаю была первая женитьба Фёдора Алексеевича (на Агафье Грушецкой). Кроме того, с большой долей вероятности можно предполагать, что элементарно «соблюдали приличия» при второй женитьбе Алексея Михайловича (на Наталье Нарышкиной) и женитьбе Ивана Алексеевича на Прасковье Салтыковой. Если это было именно так, а брак по любви представляется нам наилучшим вариантом, – то ещё более примечательна эта всеми признанная необходимость в подобной процедуре: выборе русским царём «лучшей в народе».

§ 1.2. Всё изменилось в 18-м веке. «Великий» Пётр, круто повернув русскую государственную ладью на Запад, «задал направление» для своих преемников и в брачном вопросе. Сослав законную русскую жену в монастырь и женившись на иноземной пленнице сомнительного происхождения и сомнительного поведения, он же начал старательно распахивать своих родственниц по захудалым европейским владетельным домам. Даром, что у многих его подданных и земель и денег было побольше, чем у этих «высочайших особ»!

Эта «ориентация на Запад» сохранялась и при преемниках Петра. Забавно, что впервые требование о «равнородстве» супругов было выдвинуто первой иноземкой на русском троне – императрицей Екатериной Первой, которая сама была не породистее дворянки!

Окончательно же положение о «равнородстве» было закреплено только Александром Первым в 1820 году, – после чего наличие у претендента нерусской матери из какого-нибудь европейского монархического дома стало непременным условием для вступления на русский престол. Требование – по сути своей комичное. Хотя справедливости ради надо сказать, что требование «равнородства» супругов закрепилось к тому времени и в германских владетельных домах, столь милых сердцу Романовых.

Решение Александра Первого вызывает недоумение по нескольким причинам. Во-первых, родственники – родственниками, но... зачем следовать нелепым примерам? Только из-за того, что они «европейские»? Во-вторых, во многих европейских странах, более влиятельных, нежели германские микроцефалы, такого требования не было. В-третьих, у самих Ольденбургов, к Голштейн-Готторпской ветви которых принадлежал по отцу родоначальник всех последующих Романовых – Пётр Третий, такое требование не было закреплено. И в-четвёртых, именно в России требования к «равнородству» оказались наиболее строгими – даже более строгими, чем во взятых за образец германских государствах: в Германии в брачном вопросе высшая аристократия традиционно считалась «равнородной» представителям владетельных домов.

Однако преемники Александра Первого продолжали следовать по указанному им пути – аккуратно женясь на иноземных принцессах. Это привело к тому, что российские императоры стали «русскими только по паспорту». По крови же – этническими немцами, с всё более гомеопатической примесью русской крови.

Этот горестный процесс постепенной «европеизации» российских владык стоит привести полностью. Любимая дочь Петра Первого (от Марты Скавронской) Анна Петровна, по-видимому, была русской только по отцу – то есть на $1/2$. Её сын Пётр Третий был русским на $1/4$. Его сын Павел Первый (если опустить скандальную «салтыковскую» версию) был русским на $1/8$. Его сыновья Александр Первый и Николай Первый были русскими на $1/16$. Сын Николая Александр Второй был русским на $1/32$. Его сын Александр Третий – на $1/64$. Его сын Николай Второй – на $1/128$. Несчастный цесаревич Алексей был русским лишь на $1/256$.

Такая брачная практика имела множество негативных последствий. Русская дипломатия получала тягостное обременение в виде необходимости учитывать интересы многочисленных «августейших родственников» (воистину – «бедных родственников» Российской Империи!) и

их мелкие взаимные дразги и интриги. А взамен российский царствующий дом получал цесаревен (будущих императриц) иноземной выделки – не знающих России, чуждых всем её обычаям и традициям, не знающих русского народа. Да что там! – порой так и не выучивших толком русского языка... Приобретение это было весьма и весьма сомнительное.

Самое интересное – то, что этот обычай поздних Романовых никак нельзя считать «монархическим принципом». Строго говоря, к монархической форме правления (и даже конкретно – к введённой Павлом полусалической примогенитуре) этот установившийся брачный порядок прямого отношения не имел. Однако за него держались до конца: так, в очередной раз требования к «равнородству» при вступлении в брак членов императорской фамилии были ужесточены Александром Третьим в 1886 году.

Кстати сказать, с петровских времён Романовы и «по паспорту» стали какими-то сомнительными иноземцами с германскими корнями! – ибо, следуя нелепой моде бердичевских мещан, нарекли себя потомками «прусского короля Вейдевута».

§ 1.3. Брак императора Николая Второго имел столь печальные последствия для России и династии, что дал пищу для целого ряда конспирологических теорий. Вплоть до обвинений злокозненного «кузена Вилли» в том, что он – дабы погубить геополитического противника – нарочно подсунул «кузену Ники» порченую невесту...

Всё это, разумеется, досужие домыслы. Действительность была куда проще: порочная система рано или поздно должна была принести свои плоды! – для этого стоило лишь несколькими негативным факторам наслоиться друг на друга. Такой «сочетанной травмой» стало последовательное вхождение в российский Царствующий Дом трёх европейских принцесс – Марии Софии Фредерики Дагмар Глюксбургской, Елизаветы Александры Луизы Алисы Гессен-Дармштадтской и Виктории Алисы Елены Луизы Беатрисы Гессен-Дармштадтской.

Датская принцесса Мария София Фредерика Дагмар (дочь короля Кристиана Девятого) была невестой русского цесаревича Николая Александровича (старшего сына императора Александра Второго). Однако после безвременной кончины жениха у неё устанавливаются близкие отношения с его младшим братом Александром Александровичем (будущим императором Александром Третьим). В результате брака с ним в 1866 году она становится цесаревной Марией Фёдоровной, а в 1881 году – после гибели Александра Второго – русской императрицей.

О супруге Александра Третьего принято писать в самых восторженных выражениях – «необыкновенно мила», «неизменно любезна», «царственно величава» и т. д. Такой она осталась в памяти современников, так же её оценивали и историки последующих эпох. Мария Фёдоровна действительно была очень приятной в общении, любезной и в высшей степени «светской» женщиной. Кроме того, она была прекрасной женой, и их совместная жизнь с Александром Третьим являет собой редкий пример взаимной любви и преданности.

Но исчерпываются ли этим обязанности императрицы? И если оценивать личность Марии Фёдоровны с точки зрения интересов её нового Отечества, то суд окажется более строгим. Не будет преувеличением сказать, что многие беды России и династии связаны именно с личными качествами предпоследней русской царицы.

Во-первых, Мария Фёдоровна никогда – ни в бытность невестой цесаревича, ни в бытность цесаревной, ни в бытность императрицей – не забывала об интересах родной Дании. Переписка Марии Фёдоровны сохранила интереснейшие примеры её «дочерней помощи» своей родине. Здесь и потакание коммерческим интересам датских фирм («я хотел попросить мою милую Минни попытаться получить поддержку дорогого Саши в этом деле»; «посылаю Тебе письмо Титгена, чтобы Ты могла передать содержание дорогому Саше и попросить его протекции»). Здесь и куда более серьёзные вещи – вплоть до вмешательства в дела войны и

мира («я иду к Вам как дочь к отцу, чтобы просить Вас употребить Вашу власть и смягчить те ужасные условия, которые жестокая власть Германии принудила папу принять»).

Во-вторых, Мария Фёдоровна – возможно, именно в связи с Датско-Прусской войной, повлёкшей отторжение от Дании немецкого Шлезвиг-Гольштейна, – всю жизнь питала ненависть к Германской Империи (которую не считала нужным скрывать). Нечего и говорить о том, какой вред причиняли отношениям двух великих держав – от которых зависел мир в Европе! – личные чувства урождённой датской принцессы. Нельзя исключать и того, что известное охлаждение отношений между Россией и Германией, последовавшее в начале 1890-х годов, отчасти объяснялось влиянием на Александра Третьего его супруги. Тот сам, как известно, был врождённым германофобом, а воздействие императрицы создавало, так сказать, «кумулятивный эффект»...

В-третьих, Мария Фёдоровна не справилась с главной задачей супруги российского императора. Хотя она и родила своему мужу четверых сыновей, но двое из них (Александр и Георгий) оказались нежизнеспособными и рано умерли (один – ещё во младенчестве, другой – в юности), а двое других (Николай и Михаил) – выросли на редкость безвольными и бесталанными людьми. Кстати, эту «вину» императрицы признавал и сам Александр Третий, не раз высказывая недовольство тем, что она «испортила породу». Характерно, что Мария Фёдоровна была одним из главных поборников дальнейшего ужесточения «брачных порядков» для членов императорской фамилии!

В-четвёртых, именно Мария Фёдоровна в значительной степени поспособствовала тому, что врождённые недостатки цесаревича Николая были усугублены его крайне неудачной женитьбой.

§ 1.4. Но у этой истории есть своя предыстория! Дело в том, что ещё в 1884 году брат Александра Третьего – великий князь Сергей Александрович – женился на немецкой принцессе Елизавете Александре Луизе Алисе Гессен-Дармштадтской, ставшей великой княгиней Елизаветой Фёдоровной.

О ней (так же как и об императрице Марии Фёдоровне) у нас принято отзываться только в восторженном ключе. Тем более что Елизавета Фёдоровна заслужила любовь и уважение своих новых соотечественников подвижнической жизнью, которую она вела после гибели супруга, а также мученической смертью от рук большевиков. Ныне она прославлена Русской Православной Церковью в лике святых.

Но главную (и роковую) роль в истории своего нового Отечества Елизавета Фёдоровна сыграла ещё в первые годы пребывания в России. У Елизаветы Фёдоровны (Эллы, как её звали все близкие родственники) была младшая сестра – Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса. Именно на свадьбе Эллы и Сергея Александровича юная Алиса впервые увидела цесаревича Николая. Во время очередного приезда Алисы к сестре (в 1889 году) между ней и наследником российского престола вспыхнула взаимная симпатия. Чему, надо сказать, усиленно способствовали Элла с супругом!

Однако Александр Третий и Мария Фёдоровна были категорически против такого союза. И у них были для этого все основания: во-первых, ими рассматривались совсем другие варианты женитьбы цесаревича; во-вторых, сама Алиса никак не подходила на роль императрицы (о чём следует рассказать особо).

Именно Елизавете Фёдоровне и её мужу принадлежала основная «заслуга» в том, что брак Алисы и Николая всё-таки состоялся. Именно они морально поддерживали влюблённых, укрепляя в их намерении (и даже проявляя в этом деле совершенно неуместную настойчивость!), они задействовали всех родственников (включая королеву Викторию), через них же шла зашифрованная переписка влюблённых.

Сложно сказать, какими соображениями руководствовалась Элла, устраивая этот брак. Было ли это искреннее желание устроить счастье двух влюблённых, против которых ополчились обстоятельства, или примешивался некий корытный расчёт – повысить собственный «статус», став сестрой императрицы? Очень может быть, что её побуждения были самыми бескорыстными (скорее всего, она думала только об интересах своей младшей сестры, желая устроить ей «блестящую партию»), – но русским от этого, как говорится, не легче...

Здесь со стороны всех августейших родственников была проявлена крайняя беспечность и безответственность. Давно известно, что высочайшие особы не вольны в своих чувствах. Известно это было и Александру Третьему, которому самому пришлось пренебречь чувством в молодые годы! Однако намерениям Алисы и Николая неожиданно поспособствовали изменившиеся обстоятельства. В начале 1894 года здоровье Александра Третьего резко пошатнулось, и он, находясь последние месяцы жизни в тяжелейшем состоянии, видимо, утратил присущую ему твёрдость и уступил настойчивости наследника престола.

Помолвка Николая и Алисы состоялась ещё при жизни Александра Третьего, а свадьба – сразу после его смерти. При таких трагических обстоятельствах гессенская принцесса Алиса стала русской императрицей Александрой Фёдоровной.

Глава 2

§ 2.1. Что же представляла собой последняя русская императрица? Прежде всего, это была тяжело больная женщина. Хотя она и стала супругой императора Николая Второго в весьма молодом возрасте (в 22 года), к этому времени она уже была инвалидом!

Болезни преследовали Алису с самого рождения. В детстве она переболела дифтерией в тяжёлой форме. У неё были очень плохие зубы. Непереносимые боли в ногах и пояснице мучили её на протяжении всей жизни. Считается, что они вызывались защемлением нерва, вызванного врождёнными изменениями позвоночника. Кроме того, Александра Фёдоровна страдала сильнейшими болями в области верхней челюсти. Обычно их объясняют невралгией лицевого нерва. Однако такие явления часто случаются при истерических припадках. А поскольку императрица была ярко выраженной истеричкой, нельзя исключать, что в данном случае природа недуга имела психический характер.

О том, что у «Алике» больные ноги, Николай знал задолго до женитьбы и упоминал об этом в своём дневнике. В мае 1894 года Алиса сама сообщала своему жениху из Англии: «В настоящее время мне нельзя пускаться ни в какие экспедиции – ни гулять пешком, ни ездить, можно «выезжать» только в кресле на колёсиках».

Невеста будущего императора «въезжала» на российский трон в инвалидном «кресле на колёсиках»! Можно быть уверенным, что в прежнюю эпоху такую «порченную девку» не допустили бы до «финального тура» смотра невест. И уж подавно – не позволили бы наследнику престола на ней жениться!

В последующие годы состояние Александры Фёдоровны только ухудшалось. Она постоянно страдала от сердечных приступов, аритмии и одышки. Императрицу мучили сильнейшие головные боли, опухали ноги. От нахождения в тёплом помещении у неё начинались приступы удушья. Страдала императрица и от тяжёлых аллергических реакций (на цветочные запахи, на металлы). Она не выносила резких звуков и яркого света. Впрочем, по поводу болезни сердца многие медики впоследствии высказывали те же сомнения, что и по поводу невралгии лицевого нерва, – усматривали в этом психическую причину.

Александра Фёдоровна целые недели проводила лёжа в постели. Прогулки она совершала, сидя в инвалидной коляске. Последнее даже не считалось в царской семье чем-то из ряда вон выходящим! Например, ещё на пятом году супружества (в марте 1899 года) Николай Второй отчитывался в письме матери: «Алике себя чувствует, в общем, хорошо, но не может ходить, потому что сейчас же начинается боль; по залам она ездит в креслах».

Не прибавляло императрице здоровья и её пристрастие к курению. Побороть эту дурную привычку она не могла и курила постоянно, отказываясь от курения только во время тяжёлых приступов («я себя скверно чувствую, так что даже несколько дней не курила»). Впрочем, пагубное пристрастие к курению было у гессенских принцесс семейной традицией – родная сестра императрицы Виктория постоянно курила с шестнадцати лет...

На большинстве сохранившихся фотографий Александра Фёдоровна запечатлена явно больной – сидящей на постели, на кушетке, очень часто – в инвалидном кресле-каталке. Иногда (не в самые худшие периоды, когда она могла передвигаться самостоятельно) – с палочкой. Особенно жуткое впечатление производят поздние фотографии, где в инвалидных каталках сидят рядом императрица и наследник.

А как можно было не обратить внимания на родственные связи невесты? Ведь мало того что Алиса и Николай были родственниками (в том числе – троюродными братом и сестрой) – это в монархических семействах дело обычное... Но как можно было закрыть глаза на то, что Алиса могла унаследовать от своей матери гемофилию?! Ведь о том, что эта болезнь свирепствует в семье невесты, все прекрасно знали: ещё до обручения с Николаем от гемофилии умер

её старший брат Фридрих, а её старшая сестра Ирена вышла замуж и родила сына-гемофилика (потом – ещё одного).

Как можно было допустить такой брак наследника великой империи?! О чём думал Николай? О чём думали его родители? О чём думала Елизавета Фёдоровна со своим мужем? Похоже, что они понадеялись на русский авось. Как известно, все были жестоко наказаны за своё легкомыслие.

§ 2.2. Но ведь дело не ограничивалось одним только телесным нездоровьем! Почти все современники императрицы отмечали невысокие качества её души и ума: крайнее высокомерие, холодность, душевную чёрствость, чрезвычайную скупость (от которой приходилось терпеть даже ближайшим к ней людям – Распутину, Вырубовой...), нетерпимость к чужому мнению, – сопряжённые с необыкновенным самомнением, при крайней узости ума.

Эти неприятные черты принцессы Алисы отмечались ещё её гессенскими подданными («какое для Гессен-Дармштадта счастье, что вы от нас её берёте», – как сказал конфиденциально русскому послу Остен-Сакену гессенский обер-гофмаршал). В справедливости этих слов вскоре пришлось убедиться и русским подданным молодой императрицы. Отзывы о ней удивительно однообразны: «узкий и упрямый характер», «тупой, эгоистический характер и узкое мировоззрение». «Глупа и пуста», – вынесла впоследствии свой приговор невестке вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Тут так и хочется добавить: всё это верно, но о чём же вы раньше-то думали?!

Впрочем, что там отзывы современников! Всякий желающий может исследовать меру интеллектуального убожества последней русской императрицы самостоятельно – не полагаясь на пристрастные отзывы царедворцев. Достоверных материалов для этого более чем достаточно! Это, прежде всего, – многочисленные письма императрицы, адресованные Николаю, сестре Элле, королеве Виктории и т. д., а также её собственноручные записи в дневнике Николая. Всем её автографам свойственна пошлость и банальность выражений, узость и примитивизм суждений, абсолютное незнание реальной жизни (особенно – российских реалий), в сочетании с маниакальной страстью к поучениям и морализаторству.

Особенно тревожным симптомом было проявившееся у Алисы очень рано (ещё при жизни Александра Третьего) стремление давать Николаю указания политического характера и всячески «наставлять» и «направлять» его; «подстёгивать» (а фактически – подавлять) его волю и самолюбие: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко. Будь стойким и прикажи д-ру Лейдену и другому г. приходите к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всём всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его (это – об Александре Третьем!) делать то, что нужно. И если доктору что-либо нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты – любимый сын отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всём. Выявляй личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты».

Здесь, к слову, надо отметить, что сама Алиса не имела ни малейшего представления о политике и делах государственного управления. На всех её «политических» советах и рассуждениях лежит печать невероятной узости интеллектуального кругозора – свойственной, скорее, домохозяйке из небогатого мещанского дома, нежели Императрице Всероссийской. К русскому народу она на протяжении всей жизни относилась с таким участливым снисхождением (свойственным, надо сказать, многим европейцам!). Представления последней русской императрицы о России напоминали – по своей фантастичности – представления о ней американцев времён Холодной войны: «Здесь нет надобности прилагать какие-либо старания для завоевания любви народа. Русский народ почитает своих царей за божество, от которого исходят все милости и все блага». Ага, как же...

Собственный же «политический идеал» Александры Фёдоровны был весьма своеобразен (если только можно говорить о каких-либо «идеях» применительно к последней русской царице). Судя по всему, она видела такой идеал в самодержавии Ивана Грозного. Кстати, она даже приводила последнего в пример своему слабовольному супругу. Её письма Николаю полны специфических «политических» советов: «тебя должны бояться», «они должны, они должны дрожать перед тобой», «будь Петром Великим, Иваном Грозным и Павлом Первым, сокруши их всех» и т. п.

Но, к сожалению, она опоздала появиться на свет – так что ей не суждено было стать новой Марией Темрюковной. Слишком уж отличалась реальная Российская Империя и русский император Николай Второй от рисуемого её воображением сусального образа «Русского царства» и «самодержавного царя». Суть политических убеждений императрицы полностью выражена в её очередном письменном выговоре супругу: «Моего любимца всегда надо подталкивать, напоминать ему, что он император и может делать всё, что ему вздумается»...

Так что отсталая Россия и её косный император-ретроград опережали принцессу Алису – рождённую в Германии и воспитанную в Англии! – на триста лет. Как такое могло произойти?!

А самое парадоксальное – то, что это представление о ничем не ограниченной воле Самодержца непостижимым образом сочеталось у Александры Фёдоровны с полной личной безответственностью. Особенно ярко это проявилось во время болезни Николая Второго в октябрь-ноябре 1900 года – когда император заболел брюшным тифом и почти месяц находился при смерти. В этой ситуации императрица препятствовала доступу министров к больному, но в то же время категорически выступала против предложений учредить регентство. И даже взялась было сама заниматься государственными делами! – отдавая указания министрам через своих фрейлин. При этом она искренне не понимала, почему «её личные дела» (болезнь мужа) кого-то интересуют. В память о том историческом эпизоде осталась целая библиотечка изумлённых воспоминаний, оставленных министрами, придворными и членами Царствующего Дома.

Однако в действительности никакого парадокса в этом диком сочетании претензий на абсолютную власть с абсолютной личной безответственностью не было. И последний пример является, скорее, не «загадкой», а разгадкой... Ибо в этом случае наиболее полно открылось то, что причину подобных «демаршей» со стороны императрицы Александры Фёдоровны следует искать отнюдь не в каких бы то ни было «политических убеждениях», «воззрениях» и «идеалах»!

Действительная причина лежала на поверхности. Именно ей объясняются и странные представления государыни о самодержавной власти, и её странное пристрастие к примитивным азартным играм (и – болезненная реакция на проигрыш), и тот примечательный факт, что за всю жизнь у неё не было ни одной умной подруги; сплошь – набитые дуры. Как видно, это и была та единственная среда, где Александра Фёдоровна могла чувствовать себя комфортно.

Глава 3

§ 3.1. Однако же телесные недуги, «промахи» по части души и ума – всё это, в конце концов, бывает со многими жёнами. Другое дело, что подход к выбору «царской невесты» должен был быть гораздо более строгим! Всё это – печально, но (за исключением гемофилии) не смертельно. Беда в том, что «история болезни» последней русской императрицы перечисленными хворями и недостатками не исчерпывается.

Последующие события российской истории принуждают затронуть такую деликатную тему как вопрос о психическом здоровье императрицы Александры Фёдоровны. И – так же как и в случае с прочими болезнями – все основания для такого рода беспокойства были ещё задолго до бракосочетания Николая и Алисы.

Определённые отклонения в психическом состоянии гессенской принцессы начали проявляться очень рано. Она с детских лет отличалась крайней замкнутостью, нелюдимостью, необычной стеснительностью. Возможно, в этом сказались драматические события её детства – смерть брата от гемофилии, смерть любимой матери и младшей сестры от дифтерии, переезд от овдовевшего отца к бабушке. Алиса всегда проявляла необыкновенную религиозность (совершенно несвойственную для ребёнка) и – что роковым образом скажется впоследствии! – выраженную склонность к мистицизму.

Кстати, о религии... С годами ситуация «на религиозном фронте» будет только усугубляться. Так, фрейлина императрицы баронесса Буксгевден – женщина, не отличавшаяся большим умом, но безусловно любившая Государыню (что и делает это её бесхитрое свидетельство особенно ценным!), – оставила совершенно потрясающую зарисовку о «глубине веры» Александры Фёдоровны, которая «всегда была убеждена в исцелении верой. Однажды в беседе с Ней я упомянула о случае, о котором узнала из газет: родители, чьи дети заболели дифтерией, не стали вызывать к ним врача, а доверились целителю. В результате дети умерли. Я выразила своё возмущение, заявив, что эти родители совершили настоящую глупость, хотя могли обратиться к самым современным медицинским средствам. Императрица же очень удивила меня, ответив: «Моя дорогая, всё дело в том, что они молились недостаточно усердно. Если бы их молитвы были истовыми, дети бы выздоровели!». Что и говорить, – «умно»...

Безусловно, подобные вещи должны были насторожить будущих родственников. Однако было бы несправедливо называть невесту цесаревича Николая «ненормальной». Потребовалось целое десятилетие, чтобы это стало правдой.

Проблема была в том, что молодая императрица с первого же дня своей жизни в России оказалась во враждебном окружении. И едва ли не главную роль здесь сыграла позиция вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Известно, что она была против брака Николая и Алисы. Но надо было раньше (и решительнее!) противостоять намерениям наследника. Дав же согласие на этот брак, следовало забыть всё своё прежнее нерасположение к невестке и постараться наладить с ней хорошие отношения. Это была её прямая обязанность – и как матери, и как императрицы. Однако Мария Фёдоровна и в этом случае оказалась не на высоте положения.

Почему так получилось? Многочисленные биографы и благомыслящие историки-монархисты постарались всё списать на «столкновение характеров» и «разность натур» двух императриц. Конечно, всё это имело место быть. Но только ли в этом причина? Не последнюю роль в том горестном «взаимоотчуждении» сыграло явное нежелание Марии Фёдоровны отойти в тень и уступить другой привычное место «первой леди» государства!

В своё время супруг Марии Фёдоровны Александр Третий якобы заметил вдове своего погибшего отца светлейшей княгине Юрьевской: «На Вашем месте я бы затворился в мона-

стырь, а не мечтал о балах!» Мог ли он предполагать, что его собственная жена поведёт себя не лучшим образом?!

При жизни Александр Третий был тем «сдерживающим фактором», который нельзя было проигнорировать даже его супруге. Их дочь, великая княгиня Ольга Александровна вспоминала: «На дворцовых балах Императрица была в центре внимания, в то время как Государь стоял в сторонке с хмурым и явно несчастным видом. В тех случаях, когда балы, по его мнению, слишком затягивались, Император принимался выгонять музыкантов одного за другим из бального зала. Иногда на подиуме оставался один барабанщик, боявшийся и покинуть своё место, и перестать играть. Если гости продолжали танцевать, Император вдобавок выключал ещё и свет, и Государыня, вынужденная склониться перед неизбежным, изящно прощалась с гостями, мило улыбаясь: «Как мне представляется, Его Величество желает, чтобы мы расходились по домам».

После его смерти никаких «сдерживающих факторов» не осталось: «После того, как острота потери притупилась, Мама снова окунулась в светскую жизнь, став при этом ещё более самоуверенной, чем когда-либо. Она любила веселиться; обожала красивые наряды, драгоценности, блеск огней, которые окружали её. Одним словом, она была создана для жизни двора. Всё то, что раздражало и утомляло Папа, для неё было смыслом жизни».

Так что суть конфликта свекрови и невестки была в том, что сама вдовствующая императрица ещё «не натанцевалась». Напомним, что этой «окунувшейся в светскую жизнь» весёлой вдове к моменту окончания траура было уже под полтинник...

Понятно, что такому светскому человеку, привыкшему блистать, трудно уступить первенствующее место и вести себя сообразно новым обстоятельствам! Хотя вообще-то ещё Пушкин использовал метафору: «И перед младшею столицей померкла старая Москва, как перед новою царицей порфиноносная вдова». Мало того! – смерть Александра Третьего предоставила Марии Фёдоровне возможность занять гораздо более высокое место, нежели прежде: «Поскольку Папа не было больше с нами, Мама чувствовала себя полноправной хозяйкой. Она имела огромное влияние на Ники и принялась давать ему советы в делах управления государством. А между тем прежде они нисколько её не интересовали».

Что уж говорить о дворцовой жизни и протокольных мероприятиях? Здесь Мария Фёдоровна присвоила себе роль полновластной хозяйки. Она добилась того, что царствующая чета даже жила в её резиденции (Аничковом дворце), при этом – не имея права вмешиваться в хозяйственные дела. У царственных супругов не было собственной столовой, и они должны были завтракать и обедать вместе с Марией Фёдоровной, восседавшей во главе стола. Вдовствующая императрица старалась руководить даже в вопросе выбора нарядов для Александры Фёдоровны! Во время официальных приёмов она непременно выступала вместе с сыном-императором, в то время как Александра Фёдоровна скромно шла позади, вместе с великими князьями.

Постепенно Николаю и Александре удалось несколько ослабить эту «опеку», но отношений между императрицами это не улучшило. Не улучшил разлад со свекровью и эмоционального состояния Александры Фёдоровны.

§ 3.2. Именно последующие годы супружества (внешне – вполне счастливого, по взаимной страстной любви) обернулись для Александры Фёдоровны чередой мучительных испытаний, вконец подорвавших её психическое здоровье.

Основная проблема заключалась в том, что она не могла выполнить первой и главной своей обязанности – родить своему мужу сына, а России – наследника престола. Несмотря на горячие молитвы супругов (и параллельно – обращение к разного рода юродивым и шарлатанам), у них рождались одни дочери. В 1895 году – Ольга, в 1897-м – Татьяна, в 1899-м – Мария, в 1901-м – Анастасия.

С рождением каждой следующей дочери росло отчаяние августейших родителей, раздражение вдовствующей императрицы и скрытое злорадство «великокняжеской фронды». Ведь отсутствие наследника в царской семье означало, что после смерти Николая престол должен перейти к его младшим братьям. Сначала «первым на очереди» был великий князь Георгий Александрович. Затем (после безвременной кончины Георгия) – великий князь Михаил Александрович.

Постоянные переживания Александры Фёдоровны из-за своей неспособности даровать мужу чаемого наследника обернулись в 1902 году крупным скандалом. На протяжении многих месяцев императрица считала себя беременной, не будучи таковой. В результате пришлось даже поместить в газетах официальный бюллетень по данному поводу. После этого инцидента в придворных кругах почти открыто стали говорить об Александре Фёдоровне как о сумасшедшей.

Однако главные испытания были ещё впереди. В 1904 году, в разгар неудачной Русско-Японской войны, императрица наконец родила долгожданного наследника престола – цесаревича Алексея. Радость супругов была недолгой, так как вскоре выяснилось, что Алексей Николаевич (как и следовало ожидать!) болен гемофилией. Надо иметь в виду, что в младенческом возрасте проявляются наиболее тяжёлые случаи гемофилии – поэтому цесаревич был обречён на раннюю смерть. Эта трагедия окончательно подкосила душевные силы императрицы.

Один из наиболее компетентных и добросовестных исследователей личности Александры Фёдоровны, колчаковский следователь Соколов (кстати, убеждённый монархист, питавший благоговейное чувство к царственным мученикам), говоря о душевном состоянии императрицы, был вынужден констатировать: «Конечно, всё это существовало до рождения сына. После же его рождения её истерия стала выпуклым фактом».

Собственно говоря, психическое нездоровье Александры Фёдоровны – установленный медицинский факт. На этом сходились и отечественные, и зарубежные врачи, осматривавшие императрицу. Признаки психического расстройства у Александры Фёдоровны отмечали Бехтерев, Фишер, Россоломо. Последний оставил особенно впечатляющее описание её психического состояния: «Я нашёл императрицу в состоянии животного ужаса. Никогда до этого не видав меня, она вдруг кинулась целовать мне руки! Никого не узнавала, постоянно рыдая. Просила, чтобы я вернул ей сына... Чепуха какая-то! Ведь наследник находился в соседнем, игральном зале. Я потребовал удаления больной из привычной для неё обстановки. Настаивал на клиническом содержании». Этот пункт особенно примечателен! – впоследствии аналогичные советы будут давать Николаю Второму некоторые его родственники. В конце концов был вынужден признать печальный медицинский факт и лейб-медик Боткин: «Теперь я, как врач, не могу считать Её Величество вполне нормальной».

Помимо мнения специалистов-медиков, есть масса аналогичных свидетельств со стороны людей, близко знавших Александру Фёдоровну на протяжении многих лет (например, камер-юнгферы императрицы Занотти, начальника дворцовой охраны Спиридовича). Примечательно, что в этом вопросе полностью сошлись мнения двух столь непохожих – и ненавидевших друг друга! – премьер-министров как Витте и Столыпин. Оба они считали императрицу Александру Фёдоровну психически больной. Витте писал, что император Николай «женился на хорошей женщине, но на женщине совсем ненормальной». Столыпин осторожно говорил, что «её намерения все самые лучшие, но она действительно больна».

Правда, в заключениях медиков речь шла об «истерии» – то есть болезни, приводящей к определённым патологическим изменениям в состоянии и поведении, но не к расстройству мыслительных способностей. Однако надо учитывать, что диагноз «истерия» (ныне не употребляемый) использовался врачами той эпохи для определения весьма широкого круга психических расстройств. При этом нельзя забывать о том, что некоторым истерикам свойственна

болезненная, экзальтированная религиозность и патологическая внушаемость. Поэтому неудивительно то влияние, которое имели на Александру Фёдоровну советы и наставления проходивших, сумевших произвести на неё впечатление и завладеть её волей!

§ 3.3. Болезнь имеет свойство с годами прогрессировать. В данном же случае ситуация ещё больше усугублялась бесконечными несчастьями, обрушивающимися на императрицу. Со временем это, по-видимому, окончательно расшатало её рассудок.

Вряд ли со столь решительным приговором согласится официальная психиатрия, однако многие высказывания и поступки Александры Фёдоровны трудно объяснить иначе. Например, в своём письме от 16 июня 1915 года она – взрослый человек (кстати, «доктор философии») – сообщает своему мужу-императору: «Наш первый Друг дал мне икону с колокольчиком, которая предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне».

В письме от 9 сентября 1915 года она снова убеждает супруга в ценности своих советов: «Моя икона с колокольчиком (1911 г.) действительно научила меня распознавать людей. Сначала я не обращала достаточного внимания, не доверяла своему собственному мнению, но теперь убедилась, что эта икона и наш Друг помогли мне лучше распознавать людей. Колокольчик зазвенел бы, если б они пришли ко мне с дурными намерениями; он помешал бы им подойти ко мне». В письме от 4 декабря 1916 года она снова напоминает: «Вспомни слова мсье Филиппа, когда он подарил мне икону с колокольчиком».

Подобные откровения, во множестве рассыпанные в письмах императрицы, снимают с неё всякие обвинения. Такого человека просто нельзя ни в чём обвинять! – его можно только пожалеть... Императрица Александра Фёдоровна в последние годы жизни была человеком невменяемым, в буквальном смысле этого слова (то есть – не могущим нести ответственность за свои поступки).

Кстати, само по себе психическое расстройство императрицы никак не могло повлиять на дела управления! – ибо законодательство Российской Империи не предоставляло императрице никаких властных полномочий. Все её «управленческие функции» ограничивались руководством несколькими благотворительными учреждениями.

Проблема заключалась в том «неформальном» воздействии, которое оказывала Александра Фёдоровна на своего мужа-императора. Это не предусмотренное законом, но неизбежное влияние императрицы на политику, проводимую её царственным супругом, было изначально велико. Тут сказались многие факторы – и природное слабование Николая Второго, и его неподготовленность к управлению огромной империей, и отсутствие у него собственных политических взглядов (в сочетании с сильной волей и властолюбием императрицы).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.